

© 2006 г. Е.М. ВЕРЕЩАГИН

“ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ” ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В ПРОЧТЕНИИ РАССКАЗНОЙ ПОГЛАСИЦЕЙ*

Вольфу Абрамовичу Московичу,
однокорытнику¹ и другу старому, –
к славному 70-летию.

“Повесть о Светомире”, вершинное произведение великого русского поэта Вячеслава Иванова, написана особой ритмической и архаичной прозой. Повесть предназначалась для прочтения вслух, но ключ к ее произнесению утрачен. Действительно, явно не подходит привычное для нас чтение с паузацией по периодам, обусловленным синтаксическим членением текста. Приняв во внимание обстоятельства жизни и трудов В. Иванова, автор статьи высказывает предположение, что поэт мог ориентироваться на прочтение “Повести” рассказной погласицей, используемой старообрядцами при чтении Пролога. Соответственно в статье дан образчик погласицы и описаны ее составные элементы – речёвки. Попытка применить несколько модифицированную практику чтения погласицей к “Светомиру” оказалась, как представляется, приемлемой. Во всяком случае, погласица, требующая от чтеца сотворчества, выявляет внешние поэтические признаки прозы В. Иванова.

I

“Повесть о Светомире царевиче”² занимает особое место в творчестве Вяч. Иванова (в дальнейшем – В.И.). Приступив к написанию повести³ в 1928 г.⁴, великий поэт продолжал трудиться над ней буквально вплоть до самой смерти⁵.

* Исследование выполнено по проекту “Церковнославянское и синодального перевода русское Евангелие как самостоятельная духовная линия в мировой истории и культуре”, финансируемого Отделением ИФН РАН в рамках программы “Русская культура в мировой истории”.

¹ Автор этих строк был сотоварищем В.А. Московича по аспирантуре. Мы даже жили в одной комнате в общежитии.

² Напечатана в 1-м томе. Собрания сочинений (см. [СС 1971: 255–369]).

³ Впрочем, жанровая принадлежность произведения не устанавливается с легкостью. Л.Д. Иванова и О.А. Шор-Дешарт называли его *романом*, а сам В.И. – (расплывчато) “*баснословием*”. Поскольку явно просвечивает греч. соответствие *mythologia*, возможно, В.И. имел в виду интенционно-содержательную сторону своего произведения, а не его жанр. Т. Венцлова допустил множественность жанровых квалификаций: *сказка, эпопея, квазиисторический роман* и даже богословский *трактат* [Венцлова 1988: 28–29]. Последнее, впрочем, невероятно. С другой стороны, Т. Венцлова, на наш взгляд, правильно отнес “Повесть о Светомире” к мифотворчеству В.И.

⁴ Сообщение о начале работы датировано 28 сентября 1928 г. Первая книга была завершена в том же году.

⁵ Как свидетельствует дочь поэта, в последние восемь или десять дней жизни “Вячеслав лежал в постели, тихий, гармоничный, всем интересовался, на все радовался, с полной ясностью, даже, может быть, с повышенной деятельностью ума, и работал до последнего дня над своим Светомиром” [Иванова 1990: 296]. Она продолжает: «Все мысли, вся работа до самого последнего дня жизни были направлены на “Повесть о Светомире царевиче»» [Там же: 297]. Довести “Повесть” до конца писателю суждено не было, и, как известно, дописала ее, по завету В.И. и ориентируясь по его устным рассказам и подготовительным материалам, О.А. Шор. “16 июля 1949 года за два-три часа до смерти Вяч. Иванов попросил О.А. Шор: “Спаси моего Светомира... Допиши сказание”. Сказанное было не только последней волей писателя, это были последние его слова” [Гей 1996: 197].

Считается, что “Повесть” написана ритмической прозой⁶. Дочь поэта Л.В. Иванова воспроизводит квалификацию своего отца: “Да, проза особая, а все же проза” [Иванова 1990: 226]⁷. Вот первое впечатление дочери от “Светомира” в прочтении самого поэта: «...Он прочел написанное за ночь: две главки. Прочитанное поразило меня своей необычностью, показалось значительным, убедительным; язык с налетом старины, по особому ритмичный, ни на чей язык не похожий. “Как хорошо!” В.И. улыбнулся: – “Что Бог даст!”...» [Там же: 227]. Эту самобытность языка “Повести”, противопоставленность его обычному литературному языку (и трудность для читательского восприятия) Л.В. Иванова подчеркнула еще раз: “...дело шло не о простом, естественном языке, а о форме языка совершенно своеобразной, над которой Вячеслав долго, упорно работал. [...] Кто знает? Быть может, это произведение, такое прозрачное, бесхитростное, окажется самым трудным для понимания современников?” [Там же: 288].

Если перед нами действительно ритмическая проза, то “Повесть” предназначена не для восприятия глазами только, а для проговаривания. А вот здесь-то и haeret aqua.

Сам Вячеслав Иванов ясно сформулированного ключа-наставления к проговариванию не оставил. Тем не менее на практике поэт мастерски читал “Повесть” вслух, и подобное чтение удавалось еще только *Фламिंगе*⁸ – О.А. Шор, которая со слуха усвоила манеру обожаемого мэтра. Другие близкие поэта, в том числе дочь и сын, по собственным словам, читать “Повесть” не умели.

Л.Д. Иванова пишет, что “во время оно”, т.е. до войны, “...часто устраивались интимные чтения, где два или три слушателя посвящались в последние приключения героев романа”. Она продолжает: “Мы глубоко сожалеем, что эти чтения не были записаны на пленку. Никто не может их описать: язык романа, который в чтении Вячеслава воспринимался как естественный, красивый, очень простой и ясный, как современная речь, в наши дни мало кем до конца понят”. “Неплохо выходило чтение романа у Ольги Александровны. И здесь тоже непостоянно, что мы все откладывали и так и не сделали ни одной записи на пленку” [Там же: 287–288].

Попытки самостоятельного (т.е. без образца) прочтения во всеуслышание “Повести”, – а “Повесть” пытались читать вслух весьма образованные и уважаемые люди, – заканчивались конфузом: “Как-то раз (вспоминает Л.Д. Иванова) я слышала попытку чтения повести, сделанную талантливейшим чтецом Романом Осиповичем Якобсоном, и со страхом услышала, что все выходит фальшиво. Дело в том, что Вячеслав, когда писал и читал “Светомира”, не стилизовал, а просто погружался в свой коренной, душевный, еще с младенчества сохраненный русский язык” [Там же: 287]⁹.

Не досадно ли, что мы не имеем ключа к внешней форме “Повести”? Ведь тогда “вещью в себе” остается вершинное произведение В.И., его с любовью пестуемое детище, sein Lieblingswerk¹⁰.

⁶ Недавно появилось монографическое исследование поэтического языка В.И. [Грек 2004]. В нем говорится также и об архаике языка “Светомира”.

⁷ Дать точную квалификацию языковой ткани “Светомира” не удастся: ее называют, скажем, *стихоподобной прозой* (имеется в виду библейский *стих-verset*), но и этот термин не имеет четких границ.

⁸ В домашнем языке семьи прозвище О.А. Шор (не *Фламिंगо*, а *Фламिंगа*) склонялось (по парадигме существительных женского рода).

⁹ Рассказывают, что в 1980-е гг. “Повесть” читал в Театре им. Вахтангова С.С. Аверинцев.

¹⁰ Поэт описывает идеальную страну, где процветает огражденная от нечисти христианская вера. В ней почивают мощи ап. Фомы, просветителя Индии, а власть держит “зде пребывавый апостол Иоанн”; правятся агапы любви; есть “домы студитские, и училища, и книгохранилища”, причем подлинные “любомудры” “софистикии лести не плетут”; полно храмов, колокольного звона, духовенства и богомольцев. а тема христианской Софии вышла в “Повести” на первый план и т.д. В то же время страна Утопия вместила в себя дорогие автору антично-эллинские черты: и олимпиады, и “лицевые действа”, и “борцом попроща, глаголемые палестры”, и “конникам – ристалища”, и даже “Вакха, у Еллинов славила”. Да и вообще царствует европейская терпимость, в том числе и веротерпимость: допущены добросовестные “Сакимуня и Конфуция последователи”, и “Корана начетчики”, и манихеи, и гностики, и даже... еретики! В стране нет (русского) бездорожья, для путников повсюду готовы “покоища” в “частых вертепах”. Поэт с одобрением упоми-

Наши современники читают прозу с паузацией по периодам, обусловленным синтаксическим членением текста, а индикатором синтаксического членения служит пунктуация.

Рассмотрим “Послание Иоанна Пресвитера Владарю царю тайное” (таков подзаголовок Пятой главы “Повести”)¹¹. С учетом авторской пунктуации, взятый для примера стих¹² (кн. V, гл. 1: 14) может быть прочитан с разделением на два периода:

Отрасль хвалимся быти царственного Константина града,
далече процветшая прежде распри с Римом первым...

Фраза не закончена и продолжается в следующем стихе (15), который, опять-таки с ориентацией на авторскую пунктуацию, также состоит из двух периодов:

...о ней-же изволися нам ничесоже ведети. Господа благодаряще,
яко хитона Спасителява, не швена¹³, свыше исткана цела, не предерохом ниже разделихом.

нает о неких “колхозах” (или “киббуцах”) и с одобрением описывает общность имущества и отсутствие частной собственности. Ср.: “Воздělывают землю срединную содружества семейств, в общении живущих труда и прибытка. Ина же всяко, аще ли туне, аще ли трудом добыто стяжание толкуют общи Христовы братии достояние быти, и своя не рекут, елика имут” (кн. V, гл. 7: 2–3).

¹¹ Скажем кстати, что на Пятой главе написание “Повести” самим автором закончилось. Апология католичества тонкой, но непрерывной нитью проходит по всей “Повести”, а в V-й книге, содержащей “Послание Иоанна Пресвитера”, она, пожалуй, даже доминирует. О.А. Шор отметила, что тяготение “к католичеству, кафоличеству” у В.И. проявилось уже в самом первом поэтическом сборнике: в “Кормчих Звездах” он воспел “разлуки вселенской вест”. Обстоятельства перехода В.И. в католичество (4/17 марта 1926 г.) хорошо известны. О формуле перехода см. новейшее исследование [Шишкин 2003]. Именуя себя “православным в общении с Папой”, под конец жизни (в “Римском дневнике 1944 г.”; цикл “Февраль”) поэт все же ясно свидетельствует о своей приверженности католичеству даже на бытовом уровне и именно ему отдает предпочтение при сопоставлении конфессий:

Милы сретенские свечи
И Христы-младенцы в святки;
Дух лаванды в ночь Предтечи,
В праздник Агнии ягнятки;
Благодатной ожерелья –
Нежных Ave розы-четки;
В среду заговин, с похмелья,
На главах золы щепотки...

Где бормочут по-латыни,
Как-то верится беспечней,
Чем в скитах родной святыни, –
Простодушней, человечней...

В “Повести о Светомире” описана счастливая теократическая страна (Белая Индия), никак не затронутая церковной схизмой 1054 г. В “Повести” однажды – правда, в устах сомнительного лица (Мелетия) – все-таки упоминается ересь латинян: они-де “от Платонова богомудрия отступили и прилепились к Аристотелю”. Но Лазарь-Владарь/Володарь, правитель без страха и упрека, тут же дает отпор: “А что Аристотелю паче послушествуют, разумно творят” (кн. II, гл. 10: 12–13). В дальнейшем он и вообще предпочитает (“православному”) Платону (“католического”) Аристотеля: “Стагирит по земле ходить учит, [...] к действенному целей исполнению мужескую мощь движет”; “Градовладык Платон воспитать тщился втуне; Аристотель же воспитал вселенной владыку” [Там же: стихи 15–17].

¹² Внутри главы сам В.И. предпринимает разбиение текста на малые элементы текста, и эти элементы по объему и принципам фрагментации сопоставимы со стихами Свщ. Писания. Поэтому когда мы говорим о стихах в “Повести”, термин используется в текстологическом, а не в метрическом смысле.

¹³ Так в публикации; следовало бы, однако, принять слитное написание: *нешвена*. Действительно, противопоставления здесь нет; кроме того, хитон Иисуса, о котором бросали жребий, именуется именно *нешвеным*. Ср. по синодальной славянской версии Евангелия (Ин 19:23): *бе же хитон нешвен, свыше исткан весь*.

Здесь заметная пауза должна пройти только в конце первой строки: оборот “Господа благодаряще” (как обычный член предложения – определение образа действия) не может быть вычленен из всей фразы; вставная конструкция (“нешвена, свыше исткана це-ла”), выделяемая интонацией, неизменной паузации также не предполагает.

Следующий стих (16) содержит перечисление, поэтому в нем, даже при отсутствии знаков пунктуации, интонационно-паузальный рисунок – другой, более сложный:

Ныне же, брате добролюбивый,
о жительстве нашем
и законе, и свычаях,
последь и о себе недостойнем,
и о святых наших сокровенных
нечто поведем.

Можно было бы умножать примеры, и всякий раз современное метрико-паузальное членение текста в “Повести”, зависящее от синтаксиса, оказывается иным, новым, а это означает, что перед нами, действительно, проза, и проза простая, поскольку реитерация на первый взгляд не улавливается.

Если же реитерации нет, говорить о самоценности внешней формы текста (в том числе и о его ритмической организации), естественно, никак нельзя.

Не исключено, однако, что повторяющиеся ритмические фрагменты в “Повести” присутствуют, только читать текст нужно **не так**, как современные “мастера художественного слова”, чеканящие прозу Пушкина или Гоголя по периодам.

Однако, как именно? *Negatio* имеет ценность, если взамен отрицаемого предлагается нечто положительное и определенное.

Выскажем догадку от противного. Если современная манера чтения прозы к “Повести” неприложима, то, может быть, надо искать аналоги в какой-либо манере архаичной? Может быть, ориентация В.И. на прошлые эпохи, – в свете этого умонастроения поэта можно назвать *претеристом*¹⁴, – отсылает и к способу чтения, близкому ко временам, описываемым в “Повести”?

Чтобы подтвердить догадку, придется сделать отвлечение. Рассмотрим *погласицу* – принципы архаичного чтения вслух церковных текстов. Надеемся, что в дальнейшем сможем по аналогии судить и о принципах ритмической организации “Повести о Светомире”.

II

В ныне употребительном “Типиконе, сиесть Уставе”¹⁵, при общем описании всенощного бдения указывается, что на утрени по шестой песни канона священник глаголет

¹⁴ В.И. нередко причисляют к *архаистам*, но термин занят, он отсылает к контрверзе архаистов (ишиковистов) и новаторов (карамзинистов). Если *футурист* – это последователь “авангардистского течения, отвергавшего культурное наследие прошлого” (определение взято из [БРСРЯ]), то по аналогии и для симметрии *претеристом* мы бы назвали последователя “арьергардистского течения, приверженного культурному наследию прошлого”. К числу претеристов, среди прочих, можно отнести А.К. Толстого, а также, несомненно, Б.А. Садовского, писавшего дворянским языком первой половины XIX в. О том, что В.И. – претерист, стало ясно с момента его поэтического дебюта: когда вышел в свет его первый сборник стихотворений (“Кормчие звезды”, 1903), один из рецензентов метко назвал автора “Тредиаковским наших дней”. Термин *претерист* приложим, пожалуй, лишь к форме (к эстетике, к языку) художественного творчества писателя и отчасти к выбору тематики сюжетов, а если говорить о философской установке, то В.И. можно назвать *религиозным символизмом*, “самым символистским символизмом” (С.С. Аверинцев).

¹⁵ Вот взятое наугад издание (подробно описанное по обороту титульного листа): “Типикон, сиесть изображение чина церковного”. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия книга напечатана “в граде Москве, в лето от Рождества по плоти Бога Слова 1954, индикта 21, месяца януария”. Это издание представляет собой фотомеханическую допечатку Московского синодального издания 1906 г.

малую ектению и произносит возглас "Ты бо еси царь мира", после чего певцы-клирошане поют воскресный кондак и икос. А затем, говорится в Уставе, – *чтѣмъ прологъ*. Таково общее уставное указание: после шестой песни канона на ежедневной утрени положено читать Прѣлог¹⁶.

Это указание неуклонно выдерживается в *месяцеслове*, составившем основное содержание Типикона. Если же упоминание о Прѣлоге пропущено, это не значит, что Прѣлог опускается, – уставное чтение Пролога за каждой утреней настолько разумеется само собой, что напоминать не обязательно. М.Н. Скабалланович подчеркивает, что "это чтение рассматривается Уставом как особенно важное, не отменяясь и в воскресенья с нарочитыми праздниками", а "на будничных утрених это был единственный материал для чтения" [Скабалланович 1913: 286, 287].

Когда же к *месяцеслову* прибавляются, в согласии с лунным календарем, *триодные* "знаменитыя праздники", чтение Пролога (этой малой *минеи*-четьи), казалось бы прочно привязанного к (рассчитываемому по солнцу) месячно-годовому циклу, тем не менее отнюдь не отставляется. Теперь, по Уставу, к нему прибавляется еще *Синаксарь*, то есть чтения из особого, последнего, раздела того же Пролога, соотнесенные со днями седмиц Великого поста и Пасхального цикла.

Короче говоря, Прѣлог, по Уставу, – это неотъемлемая часть ежедневного богослужения (когда служитя утрени и поется канон). Поэтому неудивительно, что в Древней Руси Пролог был в пятерке наиболее читаемых книг¹⁷.

Насколько настойчив и резолютен Типикон, настолько же непреклонна современная церковная практика: Устав систематически не выполняется! Современные церковные

¹⁶ О том, что такое (славянский) Прѣлог, как он возник и каким образом получил свое название (вследствие недоразумения), см. [Верещагин 1996: 84–92].

В кратком изложении история такова. В конце X или в начале XI в. в Константинополе была создана книга, в которую вошли краткие жития святых на каждый день церковного года. Поскольку книга представляла собой сборник житий (из разных источников), она у греков и называться стала *Synaxarion* ("сборник"). Соответственно у славян, которые обычно заимствовали греческие титулы книг, она должна бы была называться *синаксарь*, или *синаксарий*. Греч. *Synaxarion* открывался предисловием, а *предисловие* по-гречески – *prólogos* (отсюда и современное слово *пролог*; в соответствии с правилом ставить ударение по родительному падежу греческих слов). Перевод книги на славянский язык был выполнен, весьма вероятно, на Руси во второй половине XII в. Крупно написанное название греческого предисловия переводчики приняли за название всей книги. Так и стал греческий *Синаксарь* славянским *Прѣлогом*.

Будучи заимствован у греков, *Синаксарь*-Прѣлог, как бы providенчески получив себе на Руси новое имя, почти сразу же оторвался от греческого источника. В него очень рано вошли жития общеславянских святых (Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских; Людмилы и Вячеслава [Вацлава] Чешских), а также жития русских святых – равноапостольной княгини Ольги, равноапостольного князя Владимира, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, основателей русского монашества Антония и Феодосия Печерских, князя-исповедника Михаила Черниговского и боярина его Феодора (и многие другие). Кроме того, в отличие от греческого оригинала, русские книжники почти на каждый день года предложили вниманию читателей и слушателей назидательные поучения (правда, обычно также переводные).

Прѣлог сразу же приобрел широкую известность, стал интенсивно переписываться (сохранилось около трех тысяч рукописных прѣлогов!), а потом и издаваться типографски. Русские составители Пролога черпали из самых разнообразных источников, так что в итоге составила самая настоящая православная энциклопедия. Действительно, Пролог содержит сведения по всемирной, славянской и русской истории. Приобщает к догматике христианского вероучения. Дает географические, медицинские, астрономические, календарные и другие научные сведения. Прививает вкус к возвышенному церковно-книжному славяно-русскому языку. Читать Пролог не только познавательльно и назидательно, но еще и увлекательно. Пролог хорошо знали, и не случайно, что он вошел в народное творчество и отразился в фольклоре. А хорошо Прѣлог знали даже и неграмотные, поскольку, по вышеизложенным предписаниям Устава, он во всеуслышание неопустительно прочитывался за богослужением.

¹⁷ На первом месте, естественно, Псалтырь, потом Евангелие, Апостол, служебные *минеи* и на пятом месте – Прѣлог.

православные люди обычно не ведают, что такое Прѣлог, и не знают, где в слове правильно поставить ударение. Не читается Прѣлог и в большинстве старообрядческих церквей и согласий: так, в Москве его не читают ни в храмах Белокриницкой и Ново-зыбковской иерархий, ни у беспоповцев-федосеевцев.

И все же есть, к счастью, в старообрядчестве толк, или согласие, – т.н. (по самоназванию) Древлеправославная Поморская Церковь Христова, – в котором Прѣлог продолжает читаться по Уставу.

Такое небольшое открытие Б.А. Успенский и пишущий эти строки сделали в середине 1960-х гг. Нас тогда очень занимало особое литургическое произношение беспоповцев. Интересовала нас также и вообще манера старообрядческого богослужебного чтения, так называемая *погласица*.

Погласица – это т.н. *отстоявшаяся* (раз за разом повторяемая, т.е. реитеративная) ритмико-мелодическая формула (*попевка*) для произнесения нараспев (речитативом) текстов ветхозаветных паремий, Евангелия, Апостола, молитв, а также (положенных по уставу) нарративно-агиографических (например, из Прѣлога) или гомилетических (например, из Златоуста) текстов.

Тексты Свщ. Писания и молитвы читаются той разновидностью погласицы, которая называется *псалмодической*, а нарративы, в том числе из Прѣлога, – *рассказной* погласицей¹⁸.

Строго говоря, погласица происходит из обычной речевой интонации и могла бы отождествляться с ней, но естественное интонирование в погласице усилено. Погласица, поднявшись на ступень словесного искусства, – искусственна.

Тем не менее разрыв сравнительно небольшой: краткие мотивы-модуляции попевки (в отличие от современного певческого [например, оперного] речитатива и тем более собственно пения) по объему как правило не превышают терции (максимально – кварта). Погласицу можно сопоставить с декламационным речитативом, который также не бывает широкораспевным. Однако в отличие от современной декламации, когда сильно варьируется сила голоса, погласица заметных динамических колебаний не имеет.

Как в стихотворной декламации ритм выходит на первое место, так и для погласицы ритм очень важен. У поморцев приходилось наблюдать чтецов, особенно начинающих, которые во время чтения отбивали для себя ритм (пальцем по пюпитру-аналою или легкими взмахами руки).

Погласица – это, собственно, общее название *манеры чтения*. При детальном рассмотрении пространство погласицы состоит из структурных единиц – ритмических групп, которые, однако, устойчивой номинации не имеют.

Прибегнем к аналогии: если *попевкой* называется мелодико-ритмический оборот, повторяющийся в различных *песнопениях* (знаменного распева) и являющийся конструктивным элементом гласа, то *речёвкой* можно назвать повторяющийся мелодико-ритмический оборот в *чтении* определенной погласицей. В музыковедческих терминах попевка и речёвка аналогичны *репризе* (повторению одного и того же [уже изложенного] материала). Как попевки меняются в зависимости от гласа, так и речёвки меняются в зависимости от вида погласицы.

Характерным признаком срединного текста речёвки является постоянное произнесение слогов на одной ноте. Мензуральная продолжительность слогов не является определенной и зависит от чтеца. Инициальная часть речёвки характеризуется подъемом высоты на один тон, а признаком конца речёвки любого вида является относительное (по сравнению с обычной продолжительностью) *удлинение гласной последнего ударного слога*, снижение высоты на один тон, а также относительно продолжительная пауза.

¹⁸ Образчик погласицы последнего рода приведен (под № 4) на CD “Старообрядческое церковное пение” (М., 2005). Квалифицированный чтец воспроизводит речитативом знаменитое “слово на святую Пасху учительное” Иоанна Златоуста, известное у староверов как “Павловы уста”. Справки у издателя по адресу: gia-soyuz@mail.ru.

Это финальное удлинение гласной субъективно может восприниматься как небольшое замедление темпа; в старообрядческой среде (в обиходе) однажды пришлось слышать, как совокупность признаков конца речёвки выразительно назвали *раздумчивостью*. Ниже для показа конца речёвки мы используем один-единственный знак – знак долготы [:], помещаемый после удлиняемой гласной. После ударной долгой гласной может быть еще один безударный слог, или два-три, или (вероятно, максимально) четыре, и в таком случае все они произносятся на одной ноте и в ускоренном темпе.

Внутри речёвки обычно имеется *цезура* (небольшая, но заметная пауза, отделяющая один фрагмент речёвки от другого). Точнее сказать, цезур может быть больше одной. Цезура не нарушает ни мелодики, ни ритмики и способствует восприятию речёвки по единицам – обычно (но не всегда) смысловым. Ниже цезура показывается у нас переносом текста на другую строку.

В задачу статьи не входит исчерпывающее описание феномена *погласицы*, но все же кратко упомянем и о том, что в конце более или менее продолжительного фрагмента текста (и особенно, когда текст совсем завершается), бывает *кода* – намеренное замедление темпа со скандированием отдельных фонетических слов (каждое слово сопровождается паузой). Кода обычно распространяется на конечную строку, но иногда захватывает и предконечную. О приближении коды в тексте Пролога обычно сигнализирует заглавная литера. (Кода в дальнейшем нами не учитывается.)

Именно итеративные речёвки придают проложному тексту *размеренность* (т.е. вносят в него меру). Из прагматичного нарратива (как можно подумать, если читать текст только глазами или “по-современному”) текст преобразуется в эстетический, художественный и поэтический (со стороны внешней, т.е. языковой, формы). Когда чтец читает по речёвкам, он вступает в сотворчество с книжником, составившим проложное сказание. Перед нами самая настоящая синергия.

Рассказную, или (совсем точно) проложную, погласицу мне пришлось слушать у признанных мастериц старообрядческого церковного чтения. О них подробно говорится в другой публикации [Верещагин 1997]. И не только слушать, но и самому учиться читать!

Да, одна из поморских начетчиц (Еннафа Ивановна Горохова) согласилась – случай небывалый! – поучить еретика-“никонянина” читать Пролог. Среди моих записей середины 60-х гг. сохранился переписанный от руки текст проложного Жития мучеников и исповедников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора, чудотворцев (память 20 сентября/3 октября; в старопечатном Прологе [см. сноску 25] листы 71^г–73^г), с разметкой текста для чтения погласицей¹⁹.

Сейчас, через без малого сорок лет, я, имея в виду разрешение проблемы чтения “Повести о Светомире”, решил опубликовать проложное Житие свв. Михаила и Феодора по этой своей учебной записи. Зафиксированные мною речёвки не были случайными, не варьировались произвольно, а отражали общецерковную традицию²⁰. Поэтому если, как будет видно из дальнейшего, В.И. имел возможность познакомиться со старообрядческой погласицей, то он слышал примерно то же чтение, которое практиковали московские поморцы сорок лет назад и – община сейчас процветает – практикуют до сих пор.

В старопечатном Прологе текст, конечно, сплошной, но мы печатаем его в графическом разделении на слова и синтагмы (отражая цезуры и завершения речёвок). Кодо-

¹⁹ Одной вертикальной чертой карандашом я помечал промежуточные паузы (цезуры) и связанный с ними небольшой подъем тона голоса в чтении (подъем тона сигнализирует о незавершенности речёвки), а двумя чертами – “раздумчивость” (удлинение гласной, конечную паузу и падение тона). Переносные магнитофоны тогда уже существовали, но чтица наотрез отказывалась говорить перед “бездушной” машиной.

²⁰ У каждого чтеца – своя погласица, даже если они прошли одну и ту же школу. Индивидуальные особенности отчетливо заметны, но общее и одинаковое в традиционном чтении преобладает.

вых завершений у чтицы оказалось всего двенадцать – все они приходятся на концы пронумерованных нами фрагментов. Сказание о Михаиле Черниговском – сравнительно небольшое, и мы публикуем его полностью²¹.

В той же днь
оубієніе
стѣю мѣнкѣ,
ѿ батѣа| царѣ,
великаго кнѣа
михаїла черниговска|го,
и болярина его ѿѿодора.

- 1) (1) Сей блжєный великїи
- (2) кнѣз миха[:]|илъ,
- (3) ѿ юныа версты
- (4) бѣа возлюбѣ[:].
- (5) и пречтѣю егѡ| ма[:]|терь,
- (6) и оумъ свой
- (7) к немѣ вперѣ[:]|въ,||
- (8) кротостїю и матынею ко Ѹбѣ[:]|ги^а.
- (9) и всѣа пѣстѡшаа
- (10) міра сегѡ ѿвѣ[:]|ргъ,
- (11) богатство и сла|вѣ соу[:]|етнѣю,
- (12) еже естъ хѣждѣше паучїи[:]|ны.

Во фрагменте 1), завершаемом кодой, всего 8 речёвок, а именно: (1–2; 3–4; 5; 6–7; 8; 9–10; 11; 12). Четыре речёвки (5; 8; 11; 12) не имеют цезуры. Речёвки с двумя цезурами не встретилось. Строка (12) – кода; она исполнена иначе, чем строки (11–12): темп к концу замедлился, конечная гласная не только протянута, но и пропета на два тона (восходящий и нисходящий), пауза длиннее цезурной и речёвочной, имел место глубокий вдох (как подготовка к дальнейшему чтению).

2) В лѣто шесть тѣсаць сѣдмь сотѣ|
четыренадесать шестѡе²²,
бысть нахождєніе|
вс(з)кѡжнаго царѣ батѣа,
на роуѣсскѡю зѣмлю|
гнѣвомъ вѣимъ,
за оумнѡженїе грѣхѣ| нашихъ
и разбѣгшимсѣ всѣмъ
хрѣтїа|нѡмъ, и кнѣзѣмъ.
Царь же батѣи
при|зываа ихъ лѣстїю,
и повелѣ покланѣти|сѣ идоломъ,
канѡни и коуѣстѣ,
слнцѣ же| и огню.
и мнѡзи идѡшаа сквозѣ огнь|
и покланїшасѣ идоломъ,

²¹ Еннафа Ивановна читала по книге, восходящей ко второму изданию Пролога 1642/43 гг. Тем не менее у нее в руках подлинной книги второй половины XVII в. не было. Она читала по добросовестной допечатке начала нашего века, в колофоне которой читается: Иынѣ же препечѣтасѣ во всѣмъ согласнѡ со оною древлепечѣтною книгою вторымъ тисненїемъ въ хрѣтїанскѡй тѣпографїи, при Превращѣнскомъ богадѣленномъ домѣ, в Москвѣ, въ лѣто зѣкг (= 1915 г.). Этот текст буква в букву, слово в слово, во всем согласно с оригиналом, и помещается нами ниже.

²² = 1238 г.

славы ради свѣта сего,
и души свою погубиша.

3) Блговерныма же тогда
кнзю михайлѹ,
и воларинѹ его ѿеодорѹ
привывающимъ въ черниговѣ,
и видѣста многѣа прельщася,
славою свѣта сего,
и бездѣшнымъ идоломъ пожёршихъ,
и о семъ душею поболѣста
и маже даде бгъ блгодать
и даръ стѣго дха,
ѣже обличити
царѣ батыѣ прелестъ,
ѣюже льститъ хртїаны.
И повѣдаста ѿцѹ своему
дхѹвномѹ мысль свою,
и просїста оу него блгословенїѣ,
ѣже царѣ обличити,
и пострадаѣти за вѣрѹ хртѹвѹ.
онъ же|| побѣдѣ ѿ доволно
ѿ стѣго писанїѣ,
и блгословивъ ѿ,
и ѿпѣстѣ с миромъ.

4) Кнзѹ же михаилѹ,
и воларинѹ его ѿеодорѹ,
приидоста къ царю батыю.
царѹ же ноужаше ѿю,
поклонитисѣ слнцѹ и огню.
она же| царѣво повелѣнїе предвидѣста,
и идоломъ| его не поклонистасѣ.

5) Царѹ же рече,
почто| повелѣнїе мое предвидѣста,
и воумъ моимъ не поклонистасѣ
слнцѹ и огню.
Михаилѹ же рече,
недостойно есть хртїаномъ|
поклонѣтисѣ твари, паче творца (Рим 1:25).
мы| оубо поклонѣмасѣ
стѣи тѣце
оцѹ и снѹ|
и стѹмѹ дхѹ,
иже есть единъ бгъ,
твое|рече нбѹ и землѣ (Из Символа веры).

6) Мнози же приходяхѹ
къ стѹмѹ михаилѹ
ѿ своихъ емоу,
и| молахѹ его глаголюще,
сотвори волю| царѣвѹ.

Сѣтъ же михаилъ
никакоже преклониса
къ моленію ихъ.

7) Слышавъ же царь,
іако не возможе сѣаго оувѣщати
ласканіемъ| словесъ своихъ,
ни прещеніемъ смѣрти| оустрашити.
ниже слезъ ѿ моленіа своихъ ѣмѹ
молѣщихъ послѣшати ѣмѹ,
ѿ сотворити волю царевъ,
И повелѣ ватынъ|
сѣаго растѣгнѹти
за рѣцѣ ѿ за нозѣ,
ѿ бити немилостивно
по всемоу тѣлу єго.||

8) ѿ на долзѣ вѣемъ
сѣомъ нещадно,
іако ѿ земли
крѡвію єго ѡбагрѣтиса.
ѣдинъ же ѿ слоугъ царевыхъ
доманъ именемъ,
иже прежде хртіанинъ бывъ,
потомъ же ѡвергса
вѣры хртіанскіа,
ѡрѣза| ножемъ
чтнѹю главъ
сѣомъ исповѣдникъ,
великомъ кнзю михаилъ,
ѿ ѡверже ю ѿ тѣла.
Сѣомъ же еще
ѡно слово
во ѹстѣхъ гл҃оуцъ,
хртіанинъ єсмь.|

9) Потомъ же начаша глагѡлати
сл҃ги царевы ѡєѡдоръ,
сотвори понѣ ты
волю царевъ,
ѿ поклониса богѡмъ нашимъ,
ѿ живъ| боудеши,
ѿ великѡ славу
ѿ царѧ прїиме|ши.
ѿ гд҃на твоего
кнзѧ михаила
кнже|ннѹ наследникъ боудеши.
ѡєѡдоръ же рече,
не хоцѹ кнженіа
гд҃на моего,
великаго кнзѧ михаила,
ни славы, юже царь
ѡбѣ|щаваетъ ми,
ѿ богѡмъ нашимъ не покло|наюся.

но во хр̑тѣ ѣди́наго
творца́ нѣѡ
и́ земаи́ вѣрѡю,
и за́нь хоцѣ́ пострада́ти,|
ѡакоже и́ кнѣзь мой.

10) Видѣ́вше же оуби́ны| ѡны,
непрекло́нна тогò пребы́вающа,
ѡбѣ́е́ ѣмше́ егò,
и́ немѡлостивно мо́учахѡ́,
ѡако́же и́ вели́каго кнѣ́з миха́ила.
посла́ди́ же и́ чти́тию егò главѡ́
мечѣ́мъ ѡсѣ́куша,||
рѣ́кше́ си́це,
ѡако́ и́ сѣ́нцѡ́ не хотѣ́ста покло́нѣ́тисѧ,
на́ньже́ недосто́йна сѡ́ща и́ зрѣ́ти.|

11) И́ та́ко пострада́ста
ста́а мѣ́нка,
и́ бѣ́го|дара́ща хр̑тѣ́,
преда́ста ста́а своѡ́ дшѡ́|
в рѡ́цѣ́ гдѣ́ви,
ми́а септѣ́врѣ́а
въ к̑ днѣ́.|
Ста́а же́ тѣ́леса́ ихъ
повѣ́ржена́ бы́ста
псѡ́мъ| на снѣ́деніе́.
на мно́ги же́ дни
лежа́щима| ѡ́ма,
и́ бѣ́годѣ́тию хр̑тѡ́вою
невре́жена́ пре́бы́ста.
Бѣ́ѡ просла́вляю́щѡ́
ста́а своѡ́| чюдеса́,
сто́лпъ бо́ ѡ́гненыи
ѡ́внѣ́са надъ| тѣ́леса́ ихъ,
сѣ́ляю́щѡ́ пресвѣ́тлыми́ зара́|ми,
и́ свѣ́щи на мно́ги нѡ́щи
гора́ща| зра́хѡ́.

12) Видѣ́вше же́ то
прилѡ́чнѡ́шнѣ́са| вѣ́рнѣ́и,
ѡ́бѣ́е погребѡ́ша
честна́а|
ихъ́ тѣ́леса́,
бѣ́годарѡ́ще
бѣ́а|
просла́вляю́щаго
сѣ́бѡ́|
своѡ́.

Источник интересен в лингвистическом отношении. Сейчас, однако, мы сосредоточимся только на особенностях паузации и отчасти интонирования.

Во-первых, если отвлечься от начала и конца текста, когда читающий наращивает или, напротив, замедляет темп и возможно скандирование одного слова²³, то основной массив сказания читается по *тактам*²⁴. Такт может быть равен речёвке, а может быть меньше речёвки: тогда такты, имеющие цезуру, (в количестве по крайней мере двух) бывают структурными единицами речёвки.

Такты никогда не состоят из одного-единственного фонетического (т.е. имеющего *икт*²⁵) слова. Такт состоит из носителей как минимум двух *иктов*: *сей блаженный великий / князь михаил / от юныя версты / бога возлюб / и пречистую его мать* и т.д.

Во-вторых, наблюдаются и такты, содержащие не два, а три *икта*: *крѣпостию и милостыню ко убогим /, богатыство и славу съетную /, еже есть хуждынее научины /* и т.д. Тактов, которые имели бы четыре *икта*, ни в рассматриваемом тексте, ни вообще в наших наблюдениях не встретилось. Даже там, где синтагма состоит из четырех и пяти единиц, *чтец* разделяет ее или пополам или на двух*икт*ный и трех*икт*ный такты.

В-третьих, имеются такие единицы текста, которые никогда не могут быть самостоятельными носителями *икта*. Таковы, предлоги, послелого, союзы и союзные слова, составляющие слог или два (*о, у, от, ко, во, на, за, над, сквозе, ради*²⁶; *и, но, яко*), а также однослоговые частицы (*не, ни, ниже, же, бо, ся*) Сказанное не означает, что *икт* не может падать на предлог (ср.: *за руце, за нозе*); сказанное означает, что в таком случае слово (носитель лексической семантики) остается без ударения.

Наконец, в-четвертых, бывают и такие единицы текста, которые могут быть, а могут и не быть носителями *икта*. Тогда постановка *икта* определяется *чтецом*: если ему нужно образовать такт, то местоимение получает *иктовое* ударение (*и ѹм свой / к нему вперив /, и вся пустошина /, еже обличити /* и т.д.); если же такт образуется полными словами, то местоимение приравнивается к предлогу или послелог и соответственно *икта* не имеет (*и пречистую его мать /, мира сего отвѣрг /, призывая их лѣстню* и т.д.). Потенциальными носителями *икта* бывают, как сказано, местоимения разных категорий и (безударные) вспомогательные глаголы.

Когда обычно безударные элементы текста скапливаются, то один из них как правило имеет *икт*: *еже есть хуждынее научины /, еюже льстит християны /, он же поучив я довольно /, и о сем душею поболѣста /* и т.д. Имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные (т. е. полные категории) – *икт* имеют всегда.

Таким образом, квалифицированный *чтец* вырабатывает в себе чувство двух- или трех*икт*ового такта, поэтому он заранее видит, каков ближайший для произнесения текст и членит его так, чтобы в остатке не получилось как четырех-, пяти-, так и одно*икт*ового такта.

При этом синтактико-смысловые связи между полными словами могут быть “принесены в жертву”, т.е. пауза может (пусть и редко) вклиниться, например, между согласованными друг с другом прилагательным и существительным (чего обычно не бывает в современной культуре чтения прозы). Например, *сей блаженный великий / князь михаил*. Ср. еще случаи “разрушения” сильных синтаксических связей: *и разбѣгшимся всем / християном и князем; ни славы, юже царь / обещавает ми*. Таких случаев немного, и складывается впечатление, что составитель сказания, пища свой текст, проговаривал его и старался избежать таких конструкций, когда приходится вставлять паузу в “неподобающем” месте.

²³ В начале и конце текста пауза может быть после каждого слова: *благодаряще / бога / прославляющего / стяжя / свой*, но устойчивые (связные) словосочетания не разрываются: *убиение / святую мученику / от Батия царя / великаго князя / михаила черниговскаго*.

²⁴ *Такт* – межаузовый текст; текст, в начале и в конце которого имеются паузы, в том числе цезурные.

²⁵ *Икт* – сильное, или словесное, ударение. Иктом одно фонетическое слово отделяется от другого. Слабые, или побочные, ударения в настоящем исследовании не рассматриваются.

²⁶ Двусложные предлоги получают побочное (не *иктовое*) ударение.

Если читать прѣложное сказание о Михаиле Черниговском только глазами или даже вслух, но по современной практике паузирования синтаксически цельных периодов, то, конечно, перед нами – обычная проза. Проза без ритмизации. Но если читать, руководствуясь воспитанным чувством тактового деления текста и внятно подчеркивать икты, то имманентно готовый быть ритмическим текст выявляет свои потенции.

III

Возвращаемся к анализу внешней стороны текста “Повести о Светомире”.

Ниже мы предприняли попытку расписать текст одной главы (1-й из Части пятой, стихи 1–16; [СС 1971: 352–357]) по принципам рассказной погласицы, подробно описанным выше. В половине стихов (1–8) мы, обозначив долготу конечной гласной, показали также концы речѣвок.

1. Бѣгу во святѣй,
единосущней,
свѣтоначальной
и животворящей
Трѣице слá[:]ва.

2. Иоáнн Пресви[:]тер
держáвному Владáрю²⁷ рá[:]доватися.

3. Венчающуся тебѣ
венцѣм кесáрским сорá[:]дуюся
и благословѣн да бѣдет престѣ[:]л твой
Гѣспода сил молю[:]

4. Смирѣнный пресви́тер Иоá[:]нн,
милостию Бѣжию еди[:]нный
от наро́доправителей христиá[:]нских,

5. могу́щ сый не стрáнных
и звѣронрáвных племѣ[:]н
слѹ́жбою подъярѣ[:]мною,
но влады́чествующего нарѣ́да моего́[:]
числѣм и трудѣм[:],
и мѹ́жеством, и единомы[:]слием,

6. ктому́ и земѣль прострá[:]нных
неоску́дным плѣдоноше́[:]нием,
и рѹ́д горных
и кáмения сáмоцвѣ[:]тного
изобѣ́лием, веселя́щим ли
ѣ́ко со[:]лнечное
или в нѣдрах сокровѣ́[:]нным.

7. Послѹ́шествуют мнѣ[:]
христѣлюбѣ́вых царѣй[:]
двѣ́на[:]десять,

²⁷ Такое ударение дает сам автор (I–16:6; II–23:8). Для него важна одинаковая акцентуация имен *Владáрь* и *Лázарь*.

и тріе от них при мнѣ живу[:]:т
в митропóлии держáвы нá[:]:шея,
споспѣшествующе мѝ[:]:
совѣтом и смотре[:]:нием, -
прóчий²⁸ же над трѣми другѝ[:]:ми
частя́ми ца́рства поста[:]:влены,
по три царя в каждой ча[:]:сти.

8. Причті к сѝм
и господáрей язы[:]:чествующих,
под нáшу рúку
вóлею приста[:]:вших
и окрѣстные области держа[:]:щих,
их-же к вода́м крещѣ[:]:ния
не хóщем нуди[:]:ти.

9. Писáх же сѝе не в похвáльбу²⁹,
но дá не остана́ешься
о нáс в невѣдении,
егдá мно́гообразный
помы́слиши соста́в
на земли Цѣ́ркве Христо́вы,

10. и взаимодей́ственни да бúдут
в бóгоздáнным согла́сии
все úди Едѝного Тѣла.

11. Достóит бо тебѣ испѣ́рва
блáгонадѣ́жну бы́ти,
я́ко мы от пра́вого
исповѣ́дания едѝны́е
святы́е, соборны́е
и апостольскіе Цѣ́ркве
и от преда́ния святоотѣ́ческаго,
еще и мно́гими е́ресьми прельща́емыми,
нико́лѣже есмы́
ни в ма́ле не отступѝли,

12. я́коже и сáм о то́м
извести́тися мо́жеши
словѣ́сным испытáнием
послóв моихъ,
са́ном священ́ства мне ра́вныхъ.

13. Отсѣ́льници есмы́
но́выя Трѝи,

²⁸ В СС явно ошибочно: *прочий*.

²⁹ Ударение продиктовано ритмикой. В.И. иногда сам показывает отклонения в ударении от современной ему литературной нормы; см. ниже (11) *испѣ́рва* (ударение автора. – *Е.В.*) (ср. *сперва́*), (14) *Конста́нтиня града́* (ср. отпуст Литургии Иоанна Златоуста: “Иоáнна, архиепископа *Константѝнѝя града́*”). Ср. также другие авторские постановки ударения в сомнительных случаях: *на́шепты* (I–20:8), во *темно́м* бору (II–1:6), на *чистѝй* прогалине (I–1:1), по заветну *бе́режку* (там же), *ка́менем* самоцветным (II–15:6), в *подне́бесье* (II–18:8), *та́инственно* (II–18:8) и т.д.

еже Визáнтии³⁰ ѿмя
та́йное ёсть
по сказа́нию дрéвнему.

14. О́трасль хва́лимся бѣти
ца́рственного Констан́тина града,
далѣче процвѣ́тшая
пре́жде ра́спри
с Рѣ́мом пе́рвым,

15. о не́й-же изво́лися нам
ничесо́же ве́дети,
Го́спода благода́ряще,
яко хито́на Спаси́телева, нешвѣ́на,
свѣ́ше исткана це́ла,
не преде́рбохом ниже раздели́хом.

16. Ны́не же, бра́те
до́бролюбѣ́вый,
о жи́тельстве на́шем
и зако́не, и свѣ́чаях,
после́дь и о себе недо́стойнем,
и о свѣ́тънях на́ших
сокро́венных не́что пове́м.

Надо сразу отметить, что прочтение “Повести о Светомире” прѣложной поморской погласицей не только вполне возможно, но и легко удаётся. Навык членения текста на речѣвки вырабатывается немедленно.

Однако по сравнению с тем, что было изложено выше применительно к Прѣлогу, имеется некоторое своеобразие.

Так, во-первых, в прѣложном сказании о Михаиле Черниговском практически не встретились *composita*, т.е. сложные (состоящие из двух-трех лексических основ) слова, несущие два-три ударения. Если в согласии с современной орфоэпической нормой лишь одно из ударений может быть главным, а остальные считаются побочным (*единосу́щный, жи́вотворя́щий*, [в богородичном акафисте] *благосе́нноли́ственный*), то в чтении погласицей, как показывает опыт, сложное слово может составить отдельную речѣвку (с двумя равноценными ударениями) [см. стих (1)].

Кроме того, во-вторых, если в прѣложном чтении мы не видели более двух цезур в речѣвке, в тексте В.И., как можно допустить, встречаются три-четыре цезуры [см. опять-таки стих (1)]. С другой стороны, бывают такие фрагменты, которые состоят сплошь из речѣвок и соответственно цезур вообще не имеют.

Наконец, в-третьих, размеренность текста заставляет иногда приписывать слову такое ударение, которое противоречит современной орфоэпической норме [например, (9) *в похва́лбу*, (11) *испе́рва*] Собственно, орфоэпические особенности живой речи В.И. неизвестны, но тем не менее поэт и сам сознавал необходимость в некоторых случаях проставлять в “Светомире” ударения, чтобы не заставлять читателя колебаться. Откровенно говоря, было бы лучше, если бы В.И. к постановке ударения прибегал почаще. Надо также не забывать, что В.И. мог держаться, никак ее не показывая, церковнославянской акцентуации.

Таковы априорные размышления.

³⁰ Ударение продиктовано ритмикой.

Но мог ли сам В.И. стремиться именно к речитативному прочтению своего “Светомира”? Исключать этого нельзя: как филолог-классик он хорошо знал напевную декламацию античной трагедии и Гомеровского эпоса, а “Повесть” – это “баснословие” (стало быть, эпос).

Мог ли, однако, В.И. практически знать старообрядческую погласицу или хотя бы быть с ней знакомым? Вопрос не праздный, ибо та погласица, которая принята в новообрядческой церкви (например, при чтении Апостола или шестопсалмия), к чтению вслух “Повести о Светомире” не подходит³¹. Прямой ответ дать невозможно, но косвенные показатели склоняют к позитивному ответу.

Действительно, В.И. был близко знаком с перешедшим в католичество священником Владимиром Абrikосовым (1880–1966), а тот происходил из коренной старообрядческой купеческой семьи, в католичестве остался в восточном обряде и, почти несомненно, переносил в богослужение усвоенные с детства навыки чтения. Имеется в виду тот самый “о. Абrikосов”, который переводил поэта в католичество, а затем, по свидетельству Джона Мальмстада, часто с ним виделся. Кроме того, В.И., по самосвидетельству, читал – увлеченно! – с иностранными студентами Руссикума духовные стихи. “Читал”, а не “пел”; читал же, надо думать, не как Достоевского, а иначе.

Итак, по скромному опыту автора этих строк, чтение погласицей действительно позволяет заметить, что весь текст первых пяти книг “Повести о Светомире царевиче” (впрочем, и последних четырех, написанных О.А. Шор, но здесь с отступлениями) написан путем проговаривания на основе одной и той же метрической схемы. Ритмичность “Повести” отмечал и сам поэт, а мы попытались всего лишь догадаться, каково качество этой ритмичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БРСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
- Венцлова 1988 – Т. Венцлова. О мифотворчестве Вячеслава Иванова: “Повесть о Светомире царевиче” // *Cultura e memoria. Atti del III Simposio Internazionale dedicato a V. Ivanov*. Firenze, 1988.
- Верещагин 1996 – Е.М. Верещагин. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996.
- Верещагин 1997 – Е.М. Верещагин. Проложное житие великого князя Михаила Черниговского, тезоименитого прадеда Михаила Ярославича Тверского, в прочтении поморской погласицей // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Сборник докладов. Тверь, 1997.
- Гей 1996 – Н.К. Гей. Имя в русском космосе Вяч. Иванова (“Повесть о Светомире царевиче”) // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996.
- Грек 2004 – А.Г. Грек. Поэтический язык Вячеслава Иванова. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2004.
- Иванова 1990 – Л.В. Иванова. Воспоминания. Книга об отце / Подготовка текста и комментарий Дж. Мальмстада. Paris, 1990 (фотомеханическое воспроизведение: М., 1992).
- Скабалланович 1913 – Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением / Составил [...] М. Скабалланович. Вып. II. Киев, 1913 (допечатка: М., 1994).
- СС – Вяч. Иванов. Собрание сочинений в 4-х томах / Под ред. Д.В. Иванова, О.[А.] Дешарт, с введением и примечаниями О. Дешарт. Брюссель, 1971–1987.
- Шишкин 2003 – А.Б. Шишкин. “Россия” и “Вселенская Церковь” в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; Москва, 2003.

³¹ Отчасти подошла бы погласица, характерная для чтения (особенно диаконом на литургии) Евангелия, но все же не так хорошо, как проложная.